

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ /
ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS'

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-47-55>
УДК 94 (470.319-21)

М. И. ВОРОТЫНСКИЙ, НОВОСИЛЬСКИЙ ГРАД И НЕМИЛОСТЬ ГОСУДАРЯ

А. А. Майоров

*Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина
ул. Генерала Родина, 69, Орёл, 302019, Россия*

Аннотация

Введение. События второй половины XVI в., развернувшиеся вокруг старинного города Новосиль, имеют тесную связь как с актуальной на тот момент внутри- и внешнеполитической ситуацией, так и с рядом не вполне очевидных аспектов финансового, административного, статусного положения князя М. И. Воротынского. Негативное восприятие его государем Иоанном Васильевичем в качестве потенциального «возмутителя спокойствия», несмотря на очевидную лояльность князя, оказало существенное воздействие на судьбу этого выдающегося русского политического деятеля и полководца и, как представляется, было тесно связано с судьбой фамильного наследия новосильских князей. **Материалы и методы.** В качестве исходных материалов использованы тексты завещаний царя Иоанна Васильевича и князя М. И. Воротынского, посланий князю и ответных посланий царя от имени князя в адрес руководителей Польши и Литвы, сведения русских летописей, данные о формировании воинских контингентов, информация историко-лингвистического характера и результаты ряда исследований, посвящённых рассматриваемой эпохе. В исследовании использовались сравнительно-исторический и системно-аналитический методы с применением междисциплинарного подхода. **Результаты.** Передача исконных фамильных земель во владение М. И. Воротынского, оформленная как «мена» с государем, в сочетании с конфискациями имущества и необходимостью восстановления крепостных сооружений, а также поддержания их боеготовности в условиях крымско-татарской активности и Ливонской войны, привели к фактическому разорению князя. Анализ опубликованного эпистолярного наследия эпохи позволяет выявить огрехи общепринятого перевода «переписки Ивана Грозного» и несколько иначе оценить переданные в ней тесно связанные с городом Новосилем смысловые оттенки. **Заключение.** Передача, восстановление и поддержание Новосильского града и ряда иных укреплений за негосударственный счет, укрепление обороноспособности южных рубежей и последующее внешнеполитическое эпистолярное оформление связанного с ними статуса были частью длительной интриги в отношении князя М. И. Воротынского, автором которой мог быть царь российский Иоанн Васильевич.

Ключевые слова: Иван Грозный, М.И. Воротынский, укрепления, Новосиль, частно-государственное взаимодействие, переписка Ивана Грозного, вопросы статуса

Для цитирования: Майоров А. А. (2024). М. И. Воротынский, Новосильский град и немилость государя // История: факты и символы. № 1 (38). С. 47-55 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-47-55

Статья поступила: 10.09.2023

Статья принята в печать: 20.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Майоров А., 2024

PRINCE MICHAEL VOROTYNSKY, THE TOWN OF NOVOSIL AND THE WRATH OF THE TSAR

Anatoly Mayorov

*Parakhin Oryol State Agrarian University
st. General Rodin, 69, Orel, 302019, Russia*

Abstract

Introduction. The events of the second half of the XVI century, which unfolded around the town of Novosil, have a close connection with both the domestic and foreign policy situation that was relevant at that time. They were also connected with a number of not quite obvious aspects of the financial, administrative, status position of Prince Michael Vorotynsky. Tsar John Vasilyevich perceived him negatively, feared him as a potential "troublemaker", despite the obvious loyalty of the prince. This had a significant impact on the fate of this outstanding Russian politician and military commander and, as it seems, was closely connected with the fate of the family heritage of the Novosilsk lords. **Materials and methods.** The texts of the wills of Tsar Ivan Vasilyevich and Prince Michael Vorotynsky, the messages to the prince and the tsar's reply messages on behalf of the prince to the leaders of Poland and Lithuania, information from Russian chronicles, data on the formation of military contingents, information of a historical and linguistic nature and the results of research on the era in question were used as source materials for the study. In this work, comparative-historical and system-analytical methods were used using an interdisciplinary approach. **Results.** The transfer of family lands into the possession of Michael Vorotynsky, issued as a "land exchange" with the sovereign, combined with the confiscation of property and the need to restore fortifications, as well as maintaining their combat readiness in the conditions of Crimean Tatar activity and the Livonian War, led to the actual ruin of the prince. The analysis of the published epistolary heritage of the epoch makes it possible to identify flaws in the generally accepted translation of the "correspondence of Ivan the Terrible" and to evaluate the semantic shades conveyed in it closely related to the city of Novosil in a slightly different way. **Conclusions.** The transfer, restoration and maintenance of the fortress of Novosilsk and a number of other fortifications at non-state expense, the strengthening of the defense capability of the southern borders and the subsequent foreign policy epistolary registration of the status associated with them were part of a long intrigue against Prince Michael Vorotynsky, the author of which could be the Tsar of Russia Ivan Vasilyevich.

Keywords: Ivan the Terrible, Michael Vorotynsky, construction of fortifications, Novosil, private-state interaction, correspondence of Ivan the Terrible, status issues

For citation: Mayorov A. A. (2024). Prince Michael Vorotynsky, the town of Novosil and the wrath of the tsar In History: facts and symbols, 1 (38), 20-31 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-20-31

Received: 09.10.2023

Revised: 20.02.2024

Published: 15.03.2024

© Mayorov A., 2024

Введение

Первый русский царь Иоанн Васильевич, через несколько десятилетий после своей смерти получивший прозвание Грозный, занимает в ряду исторических персонажей отечественной истории XVI века особое место [6; 20; 21 и др.]. Повествований, баек, легенд и фантазий о нем русская история и литература знают очень много: от безудержного восхищения и восторга (порой мало обоснованных) и до страшнейших проклятий (фактически обоснованных примерно на таком же уровне). Именно этот государь является первым действующим лицом настоящей статьи. В качестве другого значимого персонажа выступает Михаил Иванович Воротынский – князь, знаменитый полководец, человек, принесший государству Российскому ряд крайне нужных военных и политических побед, но в итоге фатально пострадавший от царского гнева. Существует изрядное количество работ, повествующих о вышеуказанных персонах и даже о различных аспектах их отношений [5; 14 и др.], диссертационные исследования В. П. Ульянова, В. А. Волкова, Д. М. Володихина, А. А. Майорова и ряда других историков. Третьим значимым «объектом» является град Новосиль, оценка манипулирования статусом, фортификационными особенностями и историей которого со стороны русского правителя дает исследователю возможность рассмотреть отдельные детали сложной политической интриги, затрагивавшей не только некоторые внутри- и внешнеполитические аспекты, но также вопросы физического укрепления южных рубежей Российского государства, выстраивания жёсткой управленческой вертикали, модификации взаимодействия с Речью Посполитой и Крымским ханством.

Материалы и методы

В статье использованы завещания царя Иоанна Васильевича и князя М. И. Воротынского, послания князю и ответные послания от имени князя в адрес руководителей Польши и Литвы, сведения русских летописей, данные о формировании воинских контингентов, информация историко-лингвистического характера и выводы ряда исследований, посвящённых рассматриваемой эпохе. Использовались сравнительно-исторический и системно-аналитический методы с применением междисциплинарного подхода.

Результаты

После монгольского нашествия черниговские Рюриковичи в целом последовательно утратили владетельный контроль над Черниговом, Брянском и Карачевом (которыми овладели князья литовские и смоленские Рюриковичи) [11; 12]. Их новосильская ветвь, напротив, пережив целый ряд конфликтных и опасных ситуаций (к числу которых следует отнести Великую Замятню, Чёрную смерть, межкняжескую борьбу Рюриковичей всех семейств и многократную смену лидеров этой борьбы, неоднократную литовскую и московскую экспансию и т.д. и т.п.), сумела формально возвыситься, став хранителями родового черниговского старшинства и, по мнению ряда источников, носителями великокняжеского титула [10, с. 15, 129, 158, 191]. Новосиль со второй половины XIV в. стал центром, вокруг которого происходила консолидация наиболее самостоятельной ветви черниговских Рюриковичей.

Уход (а фактически эвакуация) княжеского стола из Новосиль в расположенный относительно недалеко Одоев случился в 1375 г. [17, стб. 113; 15, с. 24]. На основе единой семейной корпорации возникло целых три легитимно правящих дома: Воротынские, Одоевские и Белевские, которые с конца XIV и до момента вхождения в состав Русского государства в начале XVI имели уникальное право службы «на обе стороны» - по своему выбору и письменному dokonчанию (договору) со своим сюзереном [19, с. 51]. Окончательный переход верховских князей (как называли верхнеокских Рюриковичей в ряде документов) под руку московского государя имел одним из своих результатов резкое расширение Московского великого княжения и его превращение в конце XV столетия в качественно новое Русское централизованное государство. Статус верховских князей в едином государстве первоначально был крайне высок и уступал, в определённые моменты, пожалуй, только самим московским Рюриковичам и их близким родственникам [10, с. 170, 191, 211, 221].

Там, где высокое положение – там и высокие риски: Воротынские неоднократно возвышались и также многократно падали в московской иерархии. Для нашего сюжета важно, что осенью 1562 г. государь Иоанн Васильевич разгневался на князя Михаила Ивановича и отобрал у Воротынского прежние владения – собственно город Воротынск с окрестностями и прочие прилегающие земли (причины опалы находятся вне сферы рассмотрения статьи) [4, с. 149]. М. И. Воротынский попал под конфискации и, вместе с семьёй, с 1563 г. находился в ссылке, откуда был возвращён в 1566 г. Часть родовых земель (причём, судя по всему, принадлежавших ранее *другим* потомкам новосильских князей) ему отдали («вернули») в управление и, возможно, владение. Ситуация описана царем в завещании: «...пожаловал князь Михаила князь Иванова сына Воротынскаго *старою его вотчиною*, городом Одоевым, да городом Новасилью, да городом на Черни» [8, с. 444]. Судя по всему, со старого полководца было взято обязательство восстановить полностью разрушенную фамильную твердыню. Для полноты картины следует упомянуть, что через несколько лет, в 1569 г., государь решил и эти пожалования «обменять» на земли в другом углу государства, о чем сам писал: «...аз *ту вотчину* взял на себя, а князю Михаилу *дал есьми в то место вотчину*... а ведает *ту вотчину* князь Михайла по меновым грамотам, по тому жь, *как ведал свою вотчину*... а сын мой Иван в *ту у него вотчину и у его детей* не вступается, а отъедет куда-нибудь, и *та вотчина* сыну моему Ивану» [8, с. 444]. Последующая формальная мена, имевшая место в феврале 1569 г., была, без сомнения, также осуществлена во исполнение воли правителя [3, с. 97, 114-115]. Были отобраны уже новосильские земли: «вотчину взял на себя, государя, а в то место пожаловал, дал мне (*М. И. Воротынскому* - М.А.) Стародуб Ряполовской со всем уездом... да в Муромском уезде село Мошок со всеми деревнями того села, да в Нижнем Новеграде село» [1, с. 75].

Представляется, что полученное от государя поручение восстановить фамильную твердыню (а также «на Черни острог») означало важный и сложный экзамен, который Михаил Иванович должен был выдержать, дабы не посрамить фамильную честь. Восстановление, а фактически – полностью новое строительство крепости в Новосиле, на первый взгляд выглядело задачей, безусловно, сложной, но вполне реальной. Михаил Иванович был не только полководцем, но и опытным управленцем. И за несколько лет в нормальной ситуации вполне мог выполнить поставленную задачу, несмотря на то, что наиболее хозяйственно освоенные территории воротынских земель были государем отобраны. Также как были, в результате опалы, конфискованы многочисленные фамильные сокровища и активы.

Время было особенное, в полном разгаре была Ливонская война. И, судя по всему, обязательств по формированию и снаряжению отрядов, отправляемых в прибалтийские земли, с князя никто также снимать не собирался. М. И. Воротынский, как и прочие бояре, участвовал, в снаряжении, снабжении и подготовке войск, отправляемых на прибалтийский театр военных действий: «...росписаль государь боярь и воеводь и детей боярскихъ по полкомъ... и запасы свои и конские повеле всему воинству съ собою имати доволно на всю зиму и до весны, занеже идти и до Полотцка месты пустыми, тесными и непроходными» [16, с. 348.]. Снаряженные воины направлялись со всех верхнеокских (верховских) земель: «в ертоульском полку... воротынцы дворовые и городовые. ...В Кременску збиратись... воротынцом... Княж Михайловских и княж Александровских одоевцов и перемышлян 160 ч. ...воротынцов дворовых и городовых 110 ч.» [2, с. 122, 125, 129]. Сложно представить отказ князя от участия в подобных сборах более позднего времени. Также никто не снимал с него обязательств *по содержанию* южных «антитатарских» рубежей (в том числе и возводимых им самим), которые должны были ощутимо подкрепляться простым чувством самосохранения и необходимости защиты собственной семьи.

Из имеющихся документов известно, что довольно скоро М. И. Воротынский оказался глубоко и безнадежно закредитован. Исходя из того, что написано в завещании, глубина финансовой ямы, в которой очутился князь, представлялась ему чрезвычайно глубокой:

«...долгу на мне денежна много по кабалам и по памятям и безкабально. ... одолжал есми в государевех...службах и в литовском походе ... сыну моему о том бить челом государю, чтобы государь милость показал, долг велел снять» [1, с. 73]. Представляется вероятным, что исполнение поручения государя о строительстве крепости в возвращённом фамильном владении (как наиболее затратного из нам известных) стало тем фактором, который сумел разрушить основу финансовой устойчивости великого русского полководца. Хотя, безусловно, решило важный вопрос некоторого повышения обороноспособности этого участка южных рубежей Русского государства.

Другим важным аспектом рассматриваемого в настоящей статье сюжета, является известное желание государя Иоанна Васильевича подчеркнуть свой особый статус в сопоставлении с любым другим обитателем Российского государства. И здесь князь Михаил Иванович попал в явно неприятную ситуацию, о которой позволяет судить известная «переписка Ивана Грозного». В пересланных с запада в адрес М. И. Воротынского и перехваченных государевыми людьми посланиях явно ставился вопрос о, по меньшей мере, сопоставимой знатности адресата с русским царем, что не могло пройти незамеченным последним. Сама постановка вопроса явно насторожила правителя. В качестве встречного хода, государь Иван Васильевич от имени М. И. Воротынского подготовил ответы на послания польского короля Сигизмунда II Августа и литовского гетмана Г. А. Ходкевича. Письма эти, скорее всего, отправлены не были. Они были отдельно опубликованы в 1954 г. в переводе Я. С. Лурье [18, с. 257-273, 428-441].

Автор статьи не претендует на глубокое знание лингвистических особенностей русского языка той эпохи, но ему оказался сразу виден один крупный огрех перевода, который существенно влияет на понимание сути подготовленного послания и демонстрирует явно негативную эмоциональную реакцию русского царя. В опубликованном оригинальном ответном тексте в отношении М. И. Воротынского применяется словоформа «державца»: «...от его царьского величества совету боярина и воеводы и намесника Казанского и *державцы* Новосилского, князя Михаила Ивановича Воротынского» [18, с. 257]. Аналогичная формулировка присутствует и в послании Г. А. Ходкевичу [18, с.265].

Полагаю, что в тексте послания, очевидно подготовленного по поручению царя, термин «*державца*» (но не «державец») применён намеренно, а приведённый в издании перевод его на современный русский язык как «правитель» некорректен. Именно в этот период в административной практике Великого княжества Литовского происходит вытеснение общерусской терминологии явными полонизмами, к числу которых относятся и фиксируемый термин «*державца*». Автором настоящего текста в сетевом издании Брянского университета была не так давно размещена несколько более подробная статья, в которой проанализированы последствия смешения семантики исторических псевдо-омонимов (паронимов), похожих по звучанию, но базирующихся на различных, пусть и родственных, языковых системах. В качестве примера были использованы термины «державец», «дзяржаўца», «dzierzawca», «державца», «дзяржава», «dzierzawa» русского, западнорусского, польского, белорусского и украинского происхождения [13].

Краткие выводы упомянутой статьи гласят, что в соответствии с польской административной традицией термин «*державца*» (dzierzawca) часто означал чиновника не самого высокого ранга, к примеру «залогового арендатора», «помощника старосты» и т.д. [23, с. 303-304] Под воздействием польской терминологии и в Великом княжестве Литовском в конце XV- начале XVI вв. само понятие «державца» стало всё чаще принимать значение «земельной собственности... находившейся в распоряжении определенного лица - державцы - на определенных условиях владения» [22, с. 66, 68-69, 71, 73]. Сближение параллельно используемых терминологических польской и литовской систем шло чрезвычайно активно. Понижение значимости рассматриваемого термина продолжалось постоянно и непрерывно (кстати, в настоящее время польское слово «dzierzawca» переводится на русский просто как

«арендатор» [7, с. 184.]). Заранее приношу все возможные извинения за вторжения не в свою сферу, но представляется, что канонический перевод Я. С. Лурье титула «*державцы* Новосилского» на современный русский в качестве «правителя Новосильского», по всей видимости, неверен [18, с. 428, 434]. В историческом контексте термин «державца», использованный в отношении М. И. Воротынского в опубликованных посланиях, следует перевести на современный русский не как «правитель», но, скорее, как «*управитель*», а точнее – «*назначенный государем временный управитель государева владения Новосиль*». Такое понимание основывается на актуальной в тот период практике административного документооборота.

«Самообозначение» М. И. Воротынского якобы в его посланиях польскому королю и литовскому канцлеру в качестве «державцы» явно и недвусмысленно указывало на зависимое и несамостоятельное положение князя Воротынского в отношении московского государя. Представляется, что употребление данного термина в отношении самого себя князем Михаилом Ивановичем маловероятно: Воротынские на протяжении XV в. время от времени занимали в управленческой системе Великого княжества Литовского слишком значимое положение, чтобы упускать из понимания подобные детали и «случайно» умять родовое достоинство. Хорошо известно, что статусность персоны в системе средневековых отношений и взаимодействий играла чрезвычайно значимую и, зачастую, определяющую роль. Отсюда следует, что сам князь Воротынский не мог быть автором посланий, явно задевающих его фамильную честь. В пользу этого говорит то, что, к примеру, в тексте своего завещания он постоянно использовал термин «наша вотчина/вотчинка», подчёркивая её особый характер: «... *наша вотчинка от прародителей наших* и деда моего и отца моего и моя ... *изначальная [наш]а ж вотчина отца и деда нашего и наша ... вотчину нашу старинную*» [1, с. 73, 75]. Даже несмотря на то, что это владение уже успело отойти к государю и вернуться обратно, претерпев очевидные изменения юридического плана.

В послании польского короля и литовского гетмана указывалось, что род Воротынских «годен быти ровное с предками государей... великих князей Московских», «род великий будучи надо всеми роды московскими» [18, с. 258, 266]. Обозначив М. И. Воротынского *назначенным управителем* Иоанн Васильевич давал понять потенциальным получателям послания принципиальную разницу между реальным правителем и, пусть и родовитым, но подчинённым и явно признающим свою концептуальную подчинённость князем.

Заключение

Рассмотрение в совокупности вышеперечисленных фактов и процессов позволяет полагать, что они, по всей видимости, являются составными частями единой и длительной интриги в отношении князя М. И. Воротынского, спланировать, организовать и осуществить которую, мог сам царь российский Иоанн, решавший одновременно несколько важных внутри- и внешнеполитических проблем. Представляется возможным, что указание московского государя князю Михаилу по восстановлению, а реально новой постройке Новосильского града (и ряда иных укреплений) и последующее внешнеполитическое эпистолярное оформление связанного с ним статуса, наряду с прочим, имело своими целями по меньшей мере три значимых аспекта. Аспект первый – постройка важного укрепления на южной границе под присмотром компетентного в данном вопросе человека, мотивированного стремлением заслужить прощение и поддержать фамильную честь.

Аспект второй – недопущение реального восстановления независимого финансового статуса М. И. Воротынского как главы клана и, как следствие, понижение общественно-политического влияния этой немосковской ветви Рюриковичей.

Третий аспект – наглядная демонстрация западным соседям принципиальной разницы между статусом московского государя и положением, хоть и знатного, но явно зависимого и осознающего свою зависимость подданного (пусть и происходящего из титулованных Рюриковичей). Судя по всему, все цели, поставленные государем, были успешно дос-

тигнуты. А жизненный путь Михаила Ивановича Воротынского завершился, как известно, не так успешно, как мог бы. Другое дело, что и в последние годы своей жизни он успел свершить множество славных и достойных дел во славу Отечества.

Список источников и литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV - начала XVII века. Т. III / Сост. А. В. Антонов. М.: «Древлехранилище», 2002. 680 с.
2. Баранов, К. В. (2004). *Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года* // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. С. 119-154.
3. Беликов, В. Ю., Кольчева, Е. И. (1992). *Документы о землевладении князей Воротынских* // Архив русской истории. Вып. 2. [Науч. журнал]. М.: Археографический центр. С. 93-121.
4. Белов, Н. В. (2022). *Князь Михаил Иванович Воротынский: новые находки и перспективы исследования* // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Вологда – Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.). Вып. 2. Вологда: ВоГУ. С. 146-152.
5. Володихин, Д. М. (2009). *Воеводы Ивана Грозного*. М.: Вече. 320 с.
6. Володихин, Д. М. (2012). *Иван Грозный: Бич Божий*. М.: Вече. 340 с.
7. Гессен, Д., Стыпула, Р. (2001). *Большой польско-русский словарь*. Warszawa: Wiedza Powszechna. 656 с.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. (1950). М.- Л.: Изд-во АН СССР. 594 с.
9. Любавский, М. (1892). *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута*. М.: Университетская типография. 1006 с.
10. Майоров, А. А. (2013). *История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века*. Издание второе. Орёл: Картуш, 2013. 376 с.
11. Майоров, А. А. (2021). *Влияние ордынского статуса князя Федора Ростиславовича на переход брянского стола к смоленским Рюриковичам* // *Studia internationalia*: Материалы IX международной научной конференции, Брянск, 01–02 июля 2021 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. С. 22-29.
12. Майоров, А. А. (2021). *Ордынский статус как значимый фактор политической конкуренции между русскими князьями* // Вестник Брянского государственного университета. № 4(50). С. 73-79.
13. Майоров, А. А. (2023). *«ДЕРЖАВЕЦ», «ДЗЯРЖАЎЦА», «DZIERŻAWCA» - особенности трактовки терминов-омонимов в историческом исследовании* // ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. № 3 (27). С. 6-10.
14. Морозова, Л. Е. (2021). *Тайна смерти князя М. И. Воротынского* // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества / ред.-сост. К. А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество». С. 31-41.
15. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я И. Н. Скороходова, 1897. 258 с.
16. ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип-я И. Н. Скороходова, 1904. 238 с.
17. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник (2000). М.: Языки славянской культуры. 432 с.

18. Послания Ивана Грозного (1951). Подготовка текста Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР. 715 с.

19. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35 (1882) Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. (с 1487 по 1533 год). Под ред. Г. О. Карпова. СПб. 954 с.

20. Скрынников, Р. Г. (2008). *Василий III. Иван Грозный*. М.: АСТ МОСКВА. 639 с.

21. Флоря, Б. Н. (2009). *Иван Грозный*. 4-е изд. М.: Молодая гвардия. 441 с.

22. Вялікае Княства Літоўскае. Энциклапедыя у 3 т. (2005). Мн.: БелЭн. Т. 1: Абаленскі - Кадэнцыя. 684 с.

24. SŁOWNIK STAROPOLSKI (Dworowy - Dziewica). (1957). Т.ІІ. № 4 (10). Warszawa – Kraków: Polska Akademia Nauk. 84 с.

References

1. *Akty sluzhilyh zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka*. [Acts of service landowners of the XV - beginning of the XVII century] Т.ІІІ. Sost. A. V. Antonov. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002. (in Russian).

2. Baranov, K. V. (2004). *Zapisnaya kniga Polockogo pohoda 1562/63 goda* [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63] in *Russkij diplomatarij*. 10. Moscow, 119-154. (in Russian).

3. Belikov, V. Yu., Kolycheva E. I. (1992). *Dokumenty o zemlevladdenii knyazej Vorotynskih* [Documents on the land ownership of the Princes Vorotynsky] in *Arhiv russkoj istorii*. 2. [Nauch. zhurnal]. Moscow, Arheograficheskij centr, 93-121. (in Russian).

4. Belov, N. V. (2022). *Knyaz' Mihail Ivanovich Vorotynskij: novye nahodki i perspektivy issledovaniya*. Vorotynskie chteniya. Srednevekovaya Rossiya: voennyj i duhovnyj podvig predkov: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Prince Mikhail Ivanovich Vorotynsky: new findings and research prospects. In *Vorotyn readings. Medieval Russia: the military and spiritual feat of the ancestors: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*] (Vologda – Kirillov, 10–12 sentyabrya 2021 g.). 2. Vologda, VoGU Publ., 146-152. (in Russian).

5. Volodihin, D. M. (2009). *Voevody Ivana Groznogo* [The Commanders of Ivan the Terrible]. Moscow, Veche. (in Russian).

6. Volodihin, D. M. (2012). *Ivan Groznyj: Bich Bozhij* [Ivan the Terrible: The Scourge of God]. Moscow, Veche. (in Russian).

7. Gessen, D., Stypula, R. (2001). *Bol'shoj pol'sko-russkij slovar'* [A large Polish-Russian dictionary]. Warszawa, Wiedza Powszechna. (in Russian).

8. *Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV-XVI vv.* (1950). [Testamentary documents and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV-XVI centuries]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).

9. Lyubavskij, M. (1892). *Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-Russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta* [Regional division and local government of the Lithuanian-Russian state by the time of the publication of the first Lithuanian Statute]. Moscow, Universitetskaya Publ. (in Russian).

10. Mayorov, A. A. (2013). *Istoriya orlovskaya. Slavyanskaya istoriya s drevnih vremen do konca XVII veka*. [History of Oryol lands. Slavic history from old times to the end of the 17th century.]. 2nd ed. Oryol, Kartush Publ. (in Russian).

11. Mayorov, A. A. (2021). *Vliyanie ordynskogo statusa knyazya Fedora Rostislavovicha na perekhod bryanskogo stola k smolenskim Ryurikovicham* [The influence of the Horde status of Prince Fyodor Rostislavovich on the transition of the Bryansk table to the Smolensk Rurikovich]

in *Studia internationalia: Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Bryansk, 01–02 iyulya 2021 goda*. Bryansk, Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo Publ., 22-29. (in Russian).

12. Mayorov, A. A. (2021). *Ordynskij status kak znachimyj faktor politicheskoy konkurencii mezhdu russkimi knyaz'yami* [Horde status as a significant factor of political competition between Russian princes] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 50, 73-79. (in Russian).

13. Mayorov, A. A. (2023). «DERZHAVEC», «DZYARZHAŬCA», «DZIERŹAWCA» - osobennosti traktovki terminov-omonimov v istoricheskom issledovanii ["DERZHAVETS", "DZYARZHAYTSA", "DZIERŹAWCA" - peculiarities of interpretation of homonymous terms in historical research] in *ISTORIYA. OBSHCHESTVO. POLITIKA*. 3 (27), 6-10. (in Russian).

14. Morozova, L. E. (2021). *Tajna smerti knyazyia M. I. Vorotynskogo* [The mystery of the death of Prince M. I. Vorotynsky] in *Georgievskie chteniya. Sbornik trudov po voennoj istorii Otechestva*. Moscow, Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo Publ., 31-41. (in Russian).

15. *Polnoe Sobraniye Russkih Letopisey* (PSRL) (1897). [Complete collection of Russian chronicles]. 11. VIII. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Sankt-Petersburg, Skorohodov Publ. (in Russian).

16. *PSRL*. 13. Vtoraya polovina. I. Dopolneniya k Nikonovskoj letopisi [The second half. I. Additions to the Nikon Chronicle. II]. Sankt-Petersburg, Skorohodov Publ. (in Russian).

17. *PSRL*. XV. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik (2000). [Rogozhsky chronicler. Tver collection]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. (in Russian).

18. *Poslaniya Ivana Groznogo* (1951). [The Epistles of Ivan the Terrible]. Podgotovka teksta D. S. Lihachev i Ya. S. Lur'e. Perevod i kommentarii Ya. S. Lur'e. Moscow-Leningrad, Akademiy nauk SSSR Publ. (in Russian).

19. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. 35. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim (1882) [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol.35. Monuments of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian one] (1487 - 1533). Ed. by G. O. Karpov. Sankt-Petersburg. (in Russian).

20. Skrynnikov, R. G. (2008). *Vasilij III. Ivan Groznyj* [Vasily III. Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publ.. (in Russian).

21. Florya, B. N. (2009). *Ivan Groznyj*. 4-e izd. [Ivan the Terrible. 4th ed.] Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).

22. *Vyalikae Knyastva Litoŭskae*. Encyklopedyya u 3 t. (2005). [Grand Duchy of Lithuania. Encyclopedia] Minsk, BelEn, 1, Abalenski - Kadencyya. (in Belorussian).

23. *SŁOWNIK STAROPOLSKI* (Dworowy - Dziewica). (1957). II, 4 (10). Warszawa – Kraków, Polska Akademia Nauk. (in Polish).